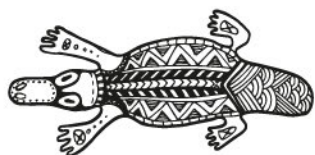

Брюс
Чамвин

ТРОТЫ ДЕСЕН

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 39
ББК 63.5
Ч 26

Bruce Chatwin
THE SONGLINES
Copyright © Bruce Chatwin, 1987
All rights reserved

Перевод с английского Татьяны Азаркович

Оформление обложки Ильи Кучмы

ISBN 978-5-389-26869-2

© Т. А. Азаркович, перевод, 2006, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

1

В Алис-Спрингс — сплошной сетке из выжженных солнцем улиц, где мужчины в длинных белых носках безостановочно вылезали из «лендкрузеров» и залезали обратно, — я познакомился с русским, который наносил на карту священные места аборигенов.

Звали его Аркадий Волчок. Он оказался гражданином Австралии. Ему было тридцать три года.

Его отец Иван Волчок, казак из станицы под Ростовом-на-Дону, в 1942 году был схвачен и погружен в вагон поезда вместе с другими оstarбайтерами, которых угоняли в Германию для работы на немецких заводах. Однажды ночью, проезжая по Украине, он выпрыгнул из скотного вагона и упал в подсолнуховое поле. Солдаты в серой униформе охотились за ним, прочесывая вдоль и поперек длинные ряды подсолнухов, но ему удалось улизнуть. В каких-то других краях, затерявшись между крушащими друг друга армиями, он повстречал девушку из Киева и женился на ней. После войны они переселились в Австралию и осели в глухом пригороде Аделаиды, где Иван завел водочный ларек и зачал трех крепких сыновей.

Младшим был Аркадий.

Темперамент Аркадия ничуть не вязался с неразберихой англосаксонского пригорода или с какой-нибудь скучной работой. У него было плосковатое лицо и нежная улыбка,

и по слепящим австралийским просторам он передвигался с легкостью своих вольнолюбивых предков.

У Аркадия были соломенные волосы, густые и прямые. Губы растрескались от зноя. Он ничем не походил на многих белых австралийцев на Равнине, с поджатыми губами глотавшими слова. Он произносил звук «р» на русский манер. У него была широкая кость, но заметить это можно было, лишь подойдя совсем близко.

Аркадий рассказал мне, что был женат, у него шестилетняя дочь. Предпочтя хаосу домашнего быта одиночество, он давно не жил с женой. У него не было почти никакого имущества, кроме клавесина и полки с книгами.

Аркадий неумоимо странствовал по бушу. Ему ничего не стоило отправиться на прогулку длиной в полторы сотни километров, прихватив лишь флягу с водой. Потом он возвращался домой, прятался от жары и света, задергивал шторы и играл на клавесине что-нибудь из Букстехуде и Баха. Их упорядоченные секвенции, говорил он, очень согласуются с устройством центральноавстралийского ландшафта.

Ни отец, ни мать Аркадия не прочли в своей жизни ни одной книги на английском языке. Он порадовал их, когда получил диплом с отличием в Аделаидском университете, где изучал историю и философию, и огорчил, когда уехал работать школьным учителем в поселение аборигенов в провинции Уолбири, к северу от Алис-Спрингс.

Аркадию нравились аборигены, нравились их выдержка и упорство, умелое обхождение с белым человеком. Он овладел — или наполовину овладел — парой их языков и поражался интеллектуальной мощи этих народов, их необычайно цепкой памяти, способности и воле к выживанию. Аркадий уверял, что аборигены — отнюдь не вымирающая раса, хотя им действительно требуется помощь, причем срочная, чтобы сбросить ярмо правительства и горнодобывающих компаний.

Именно в пору своего учительства Аркадий и узнал о том лабиринте невидимых троп, которые опутывают всю Австралию и известны европейцам под названиями Маршруты Сновидений или Тропы Песен; сами аборигены называют эти дороги Следами Предков или Путем Закона.

Туземные мифы о сотворении мира рассказывают о легендарных тотемах, которые во Времена Сновидений скитались по всему континенту и выпевали имена всего существа, встречавшегося им по пути, — птиц, зверей, растений, скал, источников, — и благодаря их пению мир обретал существование.

Аркадия так потрясла красота этих мифов, что он принялся записывать все, что видел или слышал, — не для публикации, а просто для утоления любопытства. Поначалу старейшины уолбири смотрели на него с подозрением и уклонялись от расспросов. Но позже, когда он завоевал их доверие, они стали приглашать его на самые тайные церемонии и охотно знакомили со своими песнями.

Однажды из Канберры приехал один антрополог, изучавший систему землепользования уолбири. Этот завистливый ученый презрел дружбу Аркадия с аборигенами, вытянул из него информацию и немедленно выдал секрет, который обещал хранить. Русский, возмущенный последовавшим за этим скандалом, бросил работу и отправился путешествовать за границу.

Он увидел буддистские храмы Явы, сидел вместе с садху на гатах в Бенаресе, курил гашиш в Кабуле, работал в кибуце. По припорошенному снегом афинскому Акрополю, кроме него, бродила только одна туристка — молодая гречанка из Сиднея.

Они отправились вместе в Италию и стали любовниками, а в Париже решили пожениться.

Аркадий, выросший в стране, где «не было ничего», всю жизнь мечтал увидеть памятники западной цивилизации.

Он влюбился. Была весна. Европа должна была его поразить. Но, к его собственному огорчению, она показалась ему вялой.

В Австралии Аркадию часто приходилось защищать аборигенов от людей, которые презирали их, считая пьяницами и невежественными дикарями; бывали времена, когда, глядя на безнадежную убогость лагеря уолбири, он и сам готов был с этим согласиться и признать, что его профессия и помощь чернокожим — не более чем потакание собственным слабостям или пустая трата времени.

Теперь же в Европе, с ее тупым материализмом, австралийские «старики» показались Аркадию мудрее и глубокосмысленнее, чем когда-либо. Он отправился в контору «Куантас»¹ и купил два билета на родину. Шесть недель спустя он женился в Сиднее, а потом привез жену с собой в Алис-Спрингс.

Жена говорила, что мечтает жить в Центральной Австралии. Приехав туда, она сказала, что обожает здешнюю жизнь. Но, прожив вместе целое лето в раскалявшемся, как печка, домике под жестяной крышей, супруги начали отдаляться друг от друга.

Закон о земельном праве наделял аборигенов-хозяев юридическим правом собственности на родную землю — при условии, что они не будут ее занимать; и работа, которую придумал себе Аркадий, состояла в переводе «племенного закона» на язык Закона Короны.

Никто лучше его не знал, что «идиллическая» пора охоты и собирательства — если ее и в самом деле можно было считать идиллической — закончилась. Единственное, что еще можно сделать для аборигенов, — это сохранить за ними свободу жить в нищете, или, как он выразился бо-

¹ «Куантас» — австралийская авиакомпания. — Здесь и далее, если не указано особо, примеч. перев.

лее тактично, сохранить за ними пространство, где они могли бы жить в нищете, если сами того пожелают.

Оставшись в одиночестве, Аркадий предпочитал бродить по бушу. Время от времени возвращаясь в город, он работал в заброшенном печатном цеху, где из станков еще торчали рулоны старой газетной бумаги; полоски сделанных им аэрофотоснимков покрывали обшарпанные белые стены, будто костяшки домино.

Одна последовательность кадров показывала полосу земли длиной в четыреста пятьдесят километров, бегущую почти строго на север. Предполагалось, что именно по этому участку пройдет новая линия железной дороги, которая свяжет Алис с Дарвином.

Эта линия, как сказал мне Аркадий, должна была стать последним большим железнодорожным отрезком в Австралии и вдобавок самым удобным, если верить главному инженеру — железнодорожнику старой школы.

Инженер почти достиг пенсионного возраста, его заботила посмертная репутация. Особенно он стремился избежать скандала вроде тех, что возникали всякий раз, когда очередная горнодобывающая компания завозила оборудование на территории аборигенов. Поэтому, пообещав не разрушить ни одного священного места туземцев, он попросил их предоставить ему землемерную съемку местности.

Работа Аркадия заключалась в том, чтобы найти «исконных землевладельцев», пройти вместе с ними по их бывшим охотничьим угодьям, принадлежавшим теперь скотоводческим компаниям, и упросить их показать, какая скала, какое болото, какой эвкалипт-призрак сотворены их предками, героями из Времен Сновидений.

Аркадий уже начертил карту участка в двести двадцать пять километров от Алис до станции Миддл-Бор. Оставалось еще примерно столько же.

Брюс Чатвин

— Я предупреждал инженера, что он немного погорячился, — сказал Аркадий. — Но так уж он захотел.

— А почему погорячился? — спросил я.

— Ну, потому, что если поглядеть на это их глазами, — усмехнулся Аркадий, — то вся треклятая Австралия — одно сплошное священное место.

— Объясни, — попросил я.

Он уже собирался пуститься в объяснения, но тут вошла аборигенка с кипой газет. Это была секретарша — гибкая смуглая девушка в коричневом вязаном платье. Она улыбнулась и сказала: «Привет, Арк!» — но, завидев незнакомца, сразу перестала улыбаться.

Аркадий понизил голос. Он уже предупреждал меня, что аборигены терпеть не могут, когда белые люди обсуждают между собой «их дела».

— Это пом¹. Его зовут Брюс. — Аркадий представил меня секретарше.

Девушка застенчиво усмехнулась, бросила газеты на стол и метнулась к двери.

— Пойдем-ка выпьем кофе, — предложил Аркадий.

И мы отправились в кофейню на Тодд-стрит.

¹ *Пом* (помми) — пренебрежительное прозвание англичан в Австралии.

2

В детстве, слыша слово «Австралия», я всегда представлял себе пар от эвкалиптового ингалятора и бескрайнюю красную землю, по которой разбредаются овцы.

Мой отец любил рассказывать (а мы — слушать) историю про австралийского миллионера, который разбогател на овцах и однажды ввалился в торговый зал в Лондоне, где были выставлены новые «роллс-ройсы». Презрев все модели меньших размеров, он подошел к огромному лимузину с перегородкой из листового стекла между водительским и пассажирскими местами и, отсчитывая наличные, небрежно бросил: «Ну, теперь-то овцы не будут дышать мне в затылок».

А еще я знал от двоюродной бабушки Рут, что Австралия — это страна, где живут антиподы. Если здесь, в Англии, пробурить ход в земле, то по нему можно пробраться прямо к ним.

— А как же они там не падают? — спрашивал я.

— Притяжение, — шептала она в ответ.

В ее библиотеке имелась книга об Австралийском материке, и я, бывало, с любопытством разглядывал картинки, изображавшие коалу и кукабару, утконоса и тасманского сумчатого дьявола, Старого Кенгуру и Желтую Собаку Динго¹, а еще мост в Сиднейской гавани.

¹ Персонажи сказок Р. Киплинга. — *Примеч. ред.*

Но больше всего мне нравилась фотография, на которой была изображена семья аборигенов в пути. Эти худые, костлявые люди путешествовали нагишом. Кожа у них была очень черная — не блестящая, как у негров, а матовая, как будто лучи солнца лишили ее способности отражать свет. У мужчины была длинная раздвоенная борода, он нес одно или два копья и копьеметалку. Женщина держала плетеную сумку и прижимала к груди младенца. Рядом с ней шагал маленький мальчик — на его месте я представлял себя.

Помню фантастическую бездомность первых пяти лет моей жизни. Отец служил во флоте. Шла война, и мы с мамой мотались туда-сюда по железным дорогам Англии, гостили у родственников и друзей.

Мне передавалась бешеная суматошность того времени: свист и пар на окутанном туманом вокзале; двойной *бабах* захлопывающихся дверей вагона; гул самолета, свет прожекторов, вой сирен; звуки губной гармоники на перроне, где вповалку спали солдаты.

Нашим домом можно было назвать разве что крепкий черный чемодан по имени Рев-Роуб, где лежала моя одежда и противогаз в виде Микки-Мауса. Я знал, что, когда начнут падать бомбы, я свернусь калачиком внутри Рев-Роуба и окажусь в безопасности.

Иногда я месяцами гостил у двух двоюродных бабушек, живших в доме рядовой застройки за церковью в Стратфорд-он-Эйвоне. Обе были старыми девами.

Бабушка Кейти, художница, в свое время немало поездила по свету. В Париже она побывала на весьма сомнительной вечеринке в мастерской мистера Кеса ван Донгена. На Капри видела котелок некоего мистера Ульянова, вприпрыжку шагавшего вдоль Марина-Пиккола.

А вот бабушка Рут путешествовала один раз в жизни — ездила во Фландрию возложить венок на могилу возлюб-

ленного. Она была простодушна и доверчива. Ее бледно-розовые щеки иногда вспыхивали нежным и невинным румянцем, совсем как у юной девушки. Бабушка Рут была безнадежно глуха, и мне приходилось громко кричать в ее слуховой аппарат, видом напоминавший переносное радио. Возле бабушкиной кровати стояла фотография любимого племянника — моего отца, с которой он глядел серьезным взглядом из-под патентованного козырька офицерской кепки.

Мои родственники-мужчины со стороны отца были либо основательными, оседлыми гражданами — адвокатами, архитекторами, антикварами, либо влюбленными в горизонт скитальцами, сложившими кости в самых разных уголках планеты: кузен Чарли — в Патагонии; дядя Виктор — в юконском лагере золотоискателей; дядя Роберт — в каком-то порту на Востоке; дядя Десмонд, длинноволосый блондин, бесследно сгинул в Париже. Был еще дядя Уолтер — тот умер в больнице для праведников в Каире, распевая суры Священного Корана.

Иногда я слышал, как мои бабушки обсуждают судьбы родственников, и бабушка Рут обнимала меня, словно хотела оградить от желания пойти по стопам этих несчастных. Но, слыша, с каким чувством она произносила слова «Занаду», «Самарканд» или «виноцветное море», я понимал, что и она ощущает волнение «странницы в душе».

Дом был заставлен громоздкой мебелью, унаследованной со времен высоких потолков и прислуги. В гостиной висели занавески с уильям-моррисовским узором, стояли пианино и горка с фарфором, висела изображавшая сборщиков куколя картина кисти А. Э. Расселла, друга бабушки Кейти.

Самой драгоценной вещью, которой я обладал в то время, была раковина моллюска по имени Мона. Отец привез

ее мне из Вест-Индии. Я утыкался лицом в блестящую розовую вульву и слушал шум прибоя.

Однажды, когда бабушка Кейти показала мне репродукцию «Рождения Венеры» Боттичелли, я долго молился о том, чтобы из Моны выпрыгнула юная светловолосая красавица.

Бабушка Рут никогда меня не бранила. Точнее, это случилось всего раз — одним майским вечером 1944 года, когда я помочился в воду, набранную в ванну. Наверное, я был одним из последних детей в мире, кого страшали призраком Бонапарта. «Если сделаешь это еще раз, — кричала бабушка Рут, — тебе влетит от Бони!»

Как выглядит Бони, я знал по его фарфоровой статуэтке, стоявшей в шкафу: черные сапоги, белые штаны, позолоченные пуговицы и черная треуголка. А вот на карикатуре, которую нарисовала для меня бабушка Рут (это было подражание карикатуре, которую, в свою очередь, для нее в детстве нарисовал друг ее отца, Лоренс Альма-Тадема), из-под меховой треуголки торчали только тонкие длинные ножки.

В ту ночь — и еще много недель кряду — мне снилось, как я встречаю Бони на тротуаре возле дома викария. Две половинки его шляпы раскрывались, будто двустворчатый моллюск, и внутри показывались ряды черных клыков и масса жестких сине-черных волос. Я падал туда — и с криком просыпался.

По пятницам мы с бабушкой Рут отправлялись в приходскую церковь и готовили ее к воскресной службе. Бабушка протирала медные подсвечники, мела пол в хорах, заменяла украшения и расставляла свежие цветы на алтаре, а я тем временем карабкался на кафедру или вел воображаемые беседы с мистером Шекспиром.

Мистер Шекспир взирал на меня со своего надгробного памятника в северной части алтаря. У него была лысина

Тропы Песен

и усики, загнутые кончиками кверху. Его левая рука покоилась на свитке бумаги, а правая держала перо.

Я назначил себя хранителем его могилы и гидом, требуя у американских солдат по три пенни за экскурсию. Первым стихотворением, которое я выучил наизусть, были четыре строки, высеченные на его надгробной плите:

Во имя Господа, мой друг,
Прах не копай, лежащий тут.
Блажен будь тот, кто камень чтит,
И проклят тот, кто не щадит.

Много лет спустя, в Венгрии, куда я отправился изучать археологию кочевников, мне посчастливилось своими глазами увидеть, как раскапывают гробницу гуннской принцессы. Девушка покоилась на спине на черном земляном ложе. Ее хрупкие кости покрывал сплошной дождь золотых бляшек, а на груди лежал скелет беркута с распростертыми крыльями.

Один из археологов позвал крестьянок, сгребавших сено в стога в поле неподалеку. Побросав свои грабли и столпившись у входа в гробницу, они начали торопливо креститься, как бы говоря: «Оставьте ее. Оставьте ее с возлюбленным. Оставьте ее наедине с Зевсом».

Тогда мне вспомнился призыв мистера Шекспира: «И проклят тот, кто не щадит...» — и я впервые задумался, а не лежит ли это проклятие на самой археологии.

Когда в Стратфорде стояла хорошая погода, мы с бабушкой Рут — за нами на натянутом поводке плелся кокер-спаниель Янтарь — отправлялись гулять, как уверяла бабушка, излюбленной тропой мистера Шекспира. Начиная путь от Колледж-стрит, мы проходили мимо силосного зернохранилища, мимо пенистого мельничного лотка, переходили Эйвон по мосткам, а дальше шли по тропе до Уир-Брейка.

Это был сбегавший до самой реки лесок с зарослями орешника на склоне. Весной там цвели примулы и колокольчики. Летом буйно разрастались крапива, ежевика и пурпурный вербейник, а внизу плескалась грязноватая водица.

Бабушка говорила, что сюда мистер Шекспир ходил на свидания с юной девушкой. Это был тот самый берег, где вился «дикий тимьян». Но она никогда не объясняла, что такое свидание, и, сколько бы я ни искал, там не было ни тимьяна, ни буквиц, хотя несколько поникших фиалок мне удалось-таки обнаружить¹.

Много позже, когда я уже прочел пьесы мистера Шекспира и узнал, что такое свидание, мне пришло в голову, что Уир-Брейк — слишком уж грязное и колючее место, чтобы там встречались Титания и Основа, зато Офелия вполне могла бы там утопиться.

Бабушка Рут любила читать Шекспира вслух, и в те дни, когда трава была сухой, я свешивал ноги над речкой и слушал, как она декламирует: «О музыка, ты пища для любви...»², «Не действует по принуждению милость...»³ или «Отец твой спит на дне морском...»⁴.

Слова «Отец твой спит на дне морском...» страшно печалили меня, потому что мой отец все еще был в море. Мне много раз снился один и тот же сон: будто его корабль затонул, а у меня выросли жабры и рыбий хвост и я поплыл на дно океана, чтобы разыскать его там, — и нашел блес-

¹ Отсылка к словам Оберона из «Сна в летнюю ночь», акт II, сцена 1: «Есть холм в лесу: там дикий тмин растет, / Фиалка рядом с буквицей цветет...» Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

² «Двенадцатая ночь», акт I, сцена 1. Перевод Э. Линецкой.

³ «Венецианский купец», акт IV, сцена 1. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

⁴ «Буря», акт I, сцена 2. Перевод М. Донского.

тящие жемчужины, что когда-то были его ярко-синими глазами.

Спустя год или два моя бабушка, разнообразия ради, стала брать с собой, помимо мистера Шекспира, антологию стихов, составленную специально для путешественников. Назывался этот сборник «Свободная дорога». У нее был зеленый клеенчатый переплет, а обложку украшали позолоченные ласточки.

Я любил наблюдать за ласточками. Весной, когда они прилетали, я знал, что скоро мои легкие очистятся от зеленой флегмы. Осенью, когда они весело щебетали, сидя на телеграфных проводах, мне почти удавалось сосчитать дни, оставшиеся до эвкалиптового ингалятора.

Внутри «Свободной дороги» были черно-белые форзацы в стиле Обри Бердслея, они изображали узкую тропинку, выходящую по сосновому бору. Мы одолевали стихотворения сборника одно за другим.

Мы вставали и шли на Иннисфри. Мы текли по темным гротам без числа. Мы бродили, как тучи одинокой тень. Мы были счастливы в блеске дня, оплакивали Люсидаса, в слезах брели в чужих полях¹ и слушали скрипучую, завораживающую музыку Уолта Уитмена:

О, Большая Дорога...

Ты выражаешься яснее за меня, чем я смог.

Ты станешь для меня важнее, чем мои стихи.

Однажды бабушка Рут сказала мне, что когда-то наша фамилия писалась «Четтевинде», что на англосаксонском означало «извилистая дорога»; тогда в моей голове и заро-

¹ Несколько измененные цитаты из стихотворений У. Б. Йейтса «Остров Иннисфри», С. Т. Кольриджа «Кубла-Хан», У. Уордсворта «Нарциссы», У. Блейка «Песня», Дж. Китса «Ода соловью» и аллюзия на поэму Д. Мильтона «Люсидас».

дилась догадка, что существует таинственная связь между этими тремя вещами: поэзией, моим именем и дорогой.

Что касается чтения перед сном, то больше всего я любил рассказ о щенке койота из «Рассказов о животных» Эрнеста Сетон-Томпсона.

Мать Тито застрелил пастух Джейк. Тито была самым маленьким щенком в семье, но всех братьев и сестер перебили, а ее пощадили, чтобы сделать забавой для бультерьера и борзых Джейка. Изображение Тито в цепях было самым печальным портретом щеночка, какое мне попадалось. Но она выросла смышленной и однажды утром, притворившись дохлой, вырвалась на волю, чтобы научить новое поколение койотов избегать людей.

Сейчас уже не могу припомнить, с чего началась та цепочка ассоциаций, которая заставила меня связать стремление Тито к свободе с Обходом австралийских аборигенов. Я даже не могу вспомнить, когда именно впервые услышал это выражение — Обход. И все же откуда-то у меня взялся этот образ: «ручные» чернокожие, которые сегодня мирно и счастливо трудятся на скотоводческой станции, завтра, не сказав никому ни слова и *безо всякой причины*, сматывают удочки и исчезают в голубых просторах.

Они сбрасывали свою рабочую одежду и уходили — на недели, месяцы или даже годы, пересекая полконтинента, чтобы с кем-нибудь повстречаться, а потом как ни в чем не бывало возвращались обратно.

Я пытался вообразить себе лицо работодателя в тот момент, когда он обнаруживал их исчезновение.

Мне представлялось, что это шотландец — великан с нездоровой кожей и полным ртом непристойностей. Я так и видел, как он завтракает бифштексом и яичницей: в те дни, когда продовольствие у нас выдавалось по карточкам, мы знали, что все австралийцы непременно съедают на завтрак по фунту мяса. А потом он выходил на осле-

Тропы Песен

пительный солнечный свет — солнце в Австралии всегда ослепительное — и звал своих «ребят».

Тишина.

Он снова кричал. Ни звука — только глумливый хохот кукабары. Он всматривался в горизонт. Ничего — одни только эвкалипты. Подкрадывался к загонам для скотины. Там тоже ни души. И вдруг, рядом с лачугами, он замечал рубашки, шляпы и башмаки, торчащие из пустых штанов...

3

В кофейне Аркадий заказал два капучино. Мы уселись за столиком возле окна, и он начал рассказ.

Я был изумлен проворством его ума, хотя временами мне казалось, что он рассуждает почти как лектор и многое из того, что он говорил, уже говорилось раньше.

Философия аборигенов геоцентрична. Земля дает жизнь человеку, дает ему пищу, язык и разум, а когда он умирает, все это снова возвращается к земле. Родной край человека, пускай даже это полоска пустоши, заросшая мятликом, уже сама по себе святыня, которая должна оставаться неповрежденной.

— В смысле, не поврежденной шоссе, разработками, железными дорогами?

— Поранить землю, — отвечал он с серьезным видом, — значит поранить себя самого, а если твою землю ранят другие, они ранят и тебя. Земля должна оставаться нетронутой, какой она была во Времена Сновидений, когда Предки создавали мир своим пением.

— Похожее прозрение, — заметил я, — было у Рильке. Он тоже говорил, что песня — это существование.

— Знаю, — сказал Аркадий, подперев подбородок руками. — В третьем сонете к Орфею.

Аборигены, продолжал он, ступают по земле легкой поступью; и чем меньше они у нее забирают, тем меньше должны отдавать взамен. Они никогда не могли взять

Чатвин Б.

Ч 26 Тропы Песен / Брюс Чатвин ; пер. с англ. Т. Азаркович. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-389-26869-2

Давным-давно, во Времена Сновидений, Предки всех людей создали себя из глины и отправились странствовать по свету, рассыпая на пути вереницы слов и напевов. Так появились легендарные Тропы Песен, которые пересекают всю Австралию, являясь одновременно дорогами, эпическими поэмами и священными местами. В 1987 году известный английский писатель и путешественник Брюс Чатвин приехал в Австралию, чтобы «попытаться самому — не из чужих книжек — узнать, что такое Тропы Песен и как они работают». Результатом этой поездки стала одна из самых ярких и увлекательных книг в жанре «путевого романа», международный бестселлер, переведенный на все основные языки мира. «Тропы Песен» — это не только рассказ о захватывающем путешествии по диким районам Австралии, не только погружение в сложный и красивый мир мифологии австралийских аборигенов, но и занимательный экскурс в историю древних времен в попытке пролить свет на «природу человеческой неутомимости».

УДК 39
ББК 63.5

БРЮС ЧАТВИН
ТРОПЫ ПЕСЕН

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Ольга Попова, Ирина Киселева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.01.2025.
Формат издания 60 × 84 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,18. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-NFF-35868-01-R